

ВЕРБАЛЬНЫЕ ФОРМУЛЫ ЯЗЫЧЕСТВА В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Г.Н.Козуб, А.П.Тюнин

*(кандидаты филологических наук, доценты,**Полтавский национальный технический университет им. Юрия Кондратюка)*

У статті досліджується проблема впливу релігії, зокрема язичництва, на мовну свідомість середньовічного автора, а також проблема міфологічної свідомості. На матеріалі «Слова про Ігорів похід» доводиться думка про інший спосіб сприйняття світу східними слов'янами, іншу логіку, що призводить до нетипового сприйняття значення слів, словосполучень, тексту в цілому.

The article investigates the problem of religious influence, paganism in particular, on the linguistic consciousness of the medieval author and the problem of mythological thinking. Analyzing the texts of annals and «The Word About Igor Campaign» the authors prove that East Slavs had their own specific world vision and logics, which entails a different interpretation of word meanings, word – combinations and text as a whole.

Нас всегда волнуют те культурные ценности и приобретения, которые складывались в обществе на протяжении многих веков: они на какое-то время забывались, потом снова возрождались. К таким вечным ценностям относится религия, к истокам которой обращаются не только историки, философы, культурологи, но и филологи, языковеды. Потому что, как отмечает Н.Б.Мечковская, «язык и религия, с точки зрения философии, относятся к категориям духовной культуры человечества, это две формы общественного сознания, два отображения мира в сознании человечества, они заключают в себе разное содержание или разное знание о мире» (1, 23). Элементарные, первичные знания о мире содержатся в языке, подтверждение этому мы находим в словарях, энциклопедиях. Содержание религии намного шире. Она вбирает в себя четыре компонента: 1) веру в качестве главного компонента; 2) мифологопоэтический компонент; 3) теоретический; 4) интуитивно-мистическое содержание. Из мифолого-религиозного сознания развивается всё содержание человеческой культуры (обыденное сознание, искусство, этика, право, философия, наука).

Всё больший интерес современных исследователей вызывает язычество как система, предшествующая христианству, его конкретное отображение в светской литературе эпохи Киевской Руси. Язычество как мировоззренческая система восточных славян во многом похоже на античную, которую дала нам греко-византийская культурная традиция.

Восточные славяне были политеистическим этносом, кроме того, у них существовали остатки первобытных верований, таких как анимизм, фетишизм, тотемизм, пантеизм. Они верили в души умерших, в силу предмета – фетиша (стрелы, плуга, чаши, позже – меча), в силу тотема – человека или животного, обожествляли силы природы. В начале своего развития они верили в «единство слова и предмета, в то, что в Логосе слились в единое целое и мысль, и образ, и слово, и предмет» (2, 14). Потому они считали, что употребление имени может вызвать присутствие, например, божества, злых духов. Только позже, уже в средние века, произойдёт отчуждение имени от предмета (2, 14). Логика наших древних предков была несколько иной, другими были представления о мире (это нельзя назвать примитивизмом мышления, достаточно вспомнить наскальные рисунки древних художников), человеку и его месте в нём. Восточные славяне были естественными людьми (то, о чём мечтал позже Ж.-Ж.Руссо), тесно связанными с Космосом. На Земле они видели тот же порядок, что и во Вселенной. Они жили в согласии с собой и миром, потому что были не рабами божьими, а его детьми. И об этом должен помнить каждый, кто имеет дело с текстами древней эпохи, потому что иногда мы вершим суд над историей с точки зрения современности (см. точку зрения Д.С.Лихачёва в комментариях к «Слову...») о том, что автор упоминает имена языческих богов как поэтические символы, как художественные обобщения (3, 186). Часто в древних памятниках значения слов, выражений и понятий не совпадают с современными, потому что авторы были представителями иного времени, носителями иной культуры, отличающейся от нашей, имели другие взгляды на окружающую действительность, поэтому так трудно проникнуть в языковой мир, например, автора «Слова...»

В пантеоне славянских богов, которых насчитывалось около 100, на первом месте стоял Род, самый загадочный и наименее изученный, с парными женскими божествами Рожаницами. Он давал жизнь и выступал как сам Создатель (имя скорее всего было табуированным), позже оно стало употребляться рядом с Перуном, хранителем грома и молний, богом князя и его дружины, которого простые славяне, кстати, не чествовали. Б.А.Рыбаков считает его главным божеством: *Се же словене начали трапезу ставити Роду и рожаницам, преже Перуна, бога их* (4, 427). Богом достатка и ремесла был Велес,

«скотий бог», он же был главным покровителем купцов и мещан. Сварог был владыкой мира, богом света и огня. Носителем бытия, добра, богатства считался Дажьдбог. Стрибог был богом ветра, богом воды был Купала, существовало женское божество – Дана. Богом неба был Коляда, в почёте были парные боги брака Лад-Жив и Лада-Жива, а богом любви считался Лель. Кроме этого, важную роль в жизни восточных славян играл бог солнца Хорс. Существовали Симаргл, бог охраны посевов, и Макошь(а), покровительница домашнего очага, любви и размножения и др. Мать-Землю символизировала у славян богиня Берегиня. Вместилищем богов был Вырей – остров во Вселенной, а хозяином Вырея – Белобог, защитник добра. Ему противостоял Чернобог, они выступали как две силы добра и зла. Кстати, у славян был распространен дуализм: они верили в долю и недолю, счастье и несчастье (нечто подобное наблюдалось в Египте). Дуализм находил себя в мифологических образах.

К периоду принятия христианства число богов уменьшилось до шести. Была произведена так называемая реформа, или пантеон, Владимира 980 года, согласно которой главное место занимали Перун и Хорс, дальше шли Дажьдбог, Стрибог, Симаргл и Макоша. Реформа была подготовлена волхвами и чётко отвечала триединой сущности христианства (4, 446).

Д.С.Лихачёв считает, что «Слово...» близко к народным «плачам» и «славам», имевшим обрядовое значение. Плач русских жен по воинам автор «Слова...» передает не только как лирическое излияние, но старается воспроизвести перед воображением читателя и сопровождающее его языческое действо: *За ними кликну Карна и Жля поскочи по Русской земле, смагу людемь мычючи въ пламянѣ розѣ* (5, 28). Он отмечает, что «всё мировое пространство, по которому передвигается мысль Бояна, делится ... на три сферы: землю, древо и подоблачье – облака. В «Слове...» в некоторых случаях упоминается языческое древо жизни, причём неизменно сочувствующее русским» (5, 56; 5, 58). В начале «Слова...» очень много говорится об обычаях отцов и дедов, их наследии, приводится полуязыческая молитва «дедня и отня». Языческие обряды встречаются ещё в договорах с греками 907, 944, 971 гг. С подобной языческой присягой русских князей мы встречаемся и в «Слове...»: *Хошу бо, - рече, - копие преломити конецъ поля Половецкого*. С этим образом преломлённого копья мы встретимся не один раз. В подтверждение этой мысли Б.А.Ларин приводит пример из Лаврентьевской летописи: *«Андрѣ и...ѣха напередъ, и съѣ хася преже всѣ хъ...и изломи копье свое»*. Зачем князю ломать копье перед боем? Это магический заклинательный обряд. Ломая копье над своей головой, князь совершает заклинание: «Вот так, как сломилось это копье, не причинив мне вреда, пусть сломятся все вражьи копья» (6, 177). Таких обрядов было множество, некоторые из них дожили до наших времен. Н.Б.Мечковская приводит старинный восточнославянский обряд переселения в новый дом, который восходит в глубину веков ещё до индоевропейского единства (1, 45). Автор высказывает интересную мысль о том, что язык ритуала предшествует вербальному выражению, т.е. в основе ритуала сначала лежит жест (ср. обряды клятвы, когда наши предки склонялись к земле, прикасаясь к ней рукой, и присяги, когда они прикасались к каким-то предметам – земле, священному камню, огню, оружию (в современной армии сохранился обряд прощания со знаменем, когда офицер становится на колени и целует флаг. – Г.К.). Одним из интересных обрядов в «Слове...» является поклонение водам в знаменитом плаче Ярославны: *Омочю бобрянь рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю его кровавыя раны*.

Безусловно, автор «Слова...» был представителем христианства, в частности – одной из двуязычных моделей – Slavia Orthodoxa, согласно которой культурное развитие пошло в греко-латинской традиции (1, 262). В соответствии с этой моделью произошла гибридизация старославянского и древнерусского языков. Но двуязычие славян было не этническим, а функциональным, т.е. древнерусский и старославянский выполняли разные функции. Б.А.Успенский называет это явление диглоссией (7). Хорошо владея книжным древнеболгарским языком, автор не просто знал народнопоэтическую манеру письма. Можно высказать предположение, что языческие образы глубоко проникли в сознание средневекового человека, стали неотъемлемой частью его мировоззрения, несмотря на его православную ориентацию. Современные культурологи считают, что одной из самобытных черт культуры Киевской Руси было единство язычества и христианства. Неслучайна живучесть языческих обрядов у нашего народа.

В «Слове о полку Игореве» автор называет четырех языческих богов. Причем некоторые имена вызывают сомнение относительно отношения их к языческим богам. Так, вспоминая языческие времена, автор употребляет имя Трояна: *Были вѣчи Трояни или Рица в тропу Трояню*. Это имя повторяется четыре раза. Существуют версии, что это славянский бог (3, 186), римский император, много сделавший для благосостояния своего народа (8, 744-745; 9, 11). Интересно, что в издании «Слова...» 1953 года С.И.Маслов склоняется к мысли, что Троян – старорусский языческий бог. «Такое толкование ... сравнительно удовлетворительно объясняет употребление этого слова во всех четырех случаях: *тропа*

Трояна – божественный, пророческий путь; *века Трояна* – старые языческие времена, *земля Трояна* – Русская земля, *седьмой век Трояна* – последний век язычества» (8, 36). Во всяком случае историки и культурологи однозначны в своих выводах: Троян – римский император. Филологи очень осторожны в толковании этого имени. Возможно, в выражении *Были вѣчи Трояни* автор имеет в виду расцвет культуры во времена Трояна или вспоминает *тروطу Трояню* как войну, ведь о воинственности древних римлян повествует история. Но, несомненно, здесь не только говорится о старых языческих временах, автор вспоминает их с болью, сожалея о них.

Автор «Слова...» называет певца Бояна *Велесов внуце*, князя Олега Гориславича *Даждьбожим внуком* не один раз. Даже ветры у него – *Стрибожи внуци*. Читая эти строки, мы вспоминаем хорошо известный миф о том, как Даждьбог сошёл на землю и своей живительной искрой оплодотворил дочерей Отца Руси. Они родили потомство. Бог достатка Велес принял роды и обеспечил детям счастливую жизнь. С этого времени славяне считаются детьми Даждьбога. В мифе, – полагает М.М.Закович, – отображена идея единства духовного (небесного) и материального (земного), которая была характерна для мировоззрения древних славян. Вера в божественное происхождение народа формировала уверенность людей в их историческом предназначении, воспитывала чувство спокойствия, милосердия, уважения и любви к народу и родной земле (10, 374).

Почему именно внуками называет автор этих героев? Несомненно, он хочет подчеркнуть, что со времен язычества сменилось не одно поколение детей Даждьбога (действие происходит *на седьмом вѣцѣ Трояни*, кстати, цифра семь имела магическое значение: у славян она обозначала – последний), но они помнят те времена и чтят своих предков.

В «Слове...» вспоминается имя ещё одного бога, которого автор называет великим: *«Великому Хрьсови влькомъ путь прерыскаше»*. Поскольку Хорс считался богом солнца, то Всеслав, которого автор сравнивает с волком, действовал до восхода солнца. Здесь мы имеем дело с метонимией, а в словосочетании *Стрибожи внуци* – с метафорой. Нельзя согласиться с мнением Д.С.Лихачева лишь о художественной традиции этих образов. К этой мысли склоняется и В.С.Оголевец (11, 63).

Живыми образами предстают в «Слове...» Карна и Жля (возможно, кара и плач по погибшим), что *смагу людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ*.

Д.С.Лихачев пишет в комментариях к «Слову...» о существовании какого-то обряда. Как известно, на Руси умерших сжигали в огне, а не закапывали в землю (3, 200). В.Л.Виноградова среди множества значений слова «смага» находит диалектное – смола и доказывает, что «в основу образа положен ... языческий обряд сжигания трупов, в частности – ритуал поджигания смолой погребального костра» (12, 139). Кстати, в украинском языке существуют слова, семантически связанные со «смагой», – *смаглявий, засмаглий, засмажити*.

Языческие формулы незаметно пронизывают весь текст «Слова...» Это и *Тьмутораканский болван*, который исследователи толкуют или как каменные статуи Санерга и Астарты на Таманском полуострове (11, 65; 8, 189), или как статуи из дерева, т.е. языческие идолы. Это птица Див, которая у прибалтийских славян считается божеством Чернобогом, что символизирует горе (11, 12). Это повторяемое на все лады слово «лада» в плаче Ярославны, которое стало нарицательным от Лада, бога брака. Это «поганые», «дети бесовы», т.е. враги-язычники. Это многочисленные обряды, которых мы не чувствуем в тексте из-за своего иного видения мира, иной логики.

В.С.Оголевец, комментируя фразу *Изрони душу изъ храбра тѣла чресь злато ожерелие*, приводит очень интересный обряд. «Местопробывание души, согласно верованиям древних славян, было в груди, а сама душа проявлялась в дыхании. «Злато ожерелье» – горло» (11, 16). В текст «Слова...» вплетаются, как мы уже отмечали, элементы устного народного творчества – плачи, славы, устная риторика и т.п.

Как известно, восточные славяне исповедовали пантеизм и анимизм, т.е. они поклонялись силам природы – огню, деревьям, воде, животным, солнцу, ветру, земле, а также душам умерших. Они верили, что каждый предмет живой, имеет душу. Наши предки устраивали храмы в лесах, где стояли деревянные статуи богов. Роль храмов выполняла сама природа. Слово *природа* обозначало все то, что существует при роде, племени, резко противоположный смысл у слова *отродье и урод*.

Ярким свидетельством сохранения языческих поклонений является «Слово...» Трава, деревья, цветы выступают здесь как живые существа: *Ничить трава жалоцями, а древо с тугою къ земли преклонилось*. Земля и вода предстают как единое целое, символ страны: (Святослав) *наступи на землю Половецкую, притопта хльми и яругы, взмути рѣкы и озеры, иссуши потоки и болота*. Сама страна становится символом Русской земли. В «Слове...» упоминается множество рек: Дон, Каяла, Дунай, Рось, Сула, Немига, Донец. Ярославна с заклинанием обращается к Днепру, Дунаю: *Полечю, – рече, – зегзицею по Дунаеви, О Днепре Словутицю, к солнцу, к ветру: О вѣтре, вѣтрило!; Свѣтлое и тресвѣтлое слънце!*

Славяне не просто любовались природой, – отмечает Ф.И.Буслаев (13, 314), – они сочувствовали ей и, не зная её законов, часто приписывали всё силам сверхъестественным. Потому и представлено в «Слове...» солнечное затмение, которое предвещает беду, вызывает ужас: *Солнце ему тьмою путь заступае; ноць стонуци ему грозою птичь убуди; свисть звѣринь вѣста, збися дивь – кличеть врѣху древа.*

Образы птиц, животных на каждом шагу сопровождают героев произведения: *Коли Игорь соколом полетѣ, тогда Влурь вѣлкомъ потече; А Игорь князь поскочи горностаемъ к тростию и бѣлымъ гоголемъ на воду. Ярославна зегзицею незнаема рано кичеть.* В «Слове...» встречаются славии, вороны, галици, туры, которые то отражают действительность, то символизируют людей и загадочных, сказочных существ: *Збися Див – кличеть врѣху древа; Щекот славий успе, говор галичь убуде; Ярѣ туре Всеволодѣ.* Существует предположение, что слово *галици* – это собирательное к *зверь*, а слово *мысль* или *мысь* обозначало белку, поэтому фраза *растѣкашеться мыслию по древу* органично вписывается в следующий контекст *сѣрымъ вѣлкомъ по земли, шизымъ орломъ подь облакы.* Ещё раз напомним о том, что большинство слов в древнерусском языке имели конкретное значение, абстрактное мышление не характерно для средневекового человека, а потому переносные значения появятся намного позже. Из всех зверей чаще других в «Слове...» упоминается волк: *Скочи вѣлкомъ до Немиги съ Дудутокъ;* или *тогда Влурь вѣлкомъ потече.* Он встречается много раз, чаще всего в сравнениях. Эти сопоставления – не игра воображения, они связаны с мифологией, с древним обожествлением волка в эпоху тотемных верований. Б.А.Ларин пишет, что в данном случае перед нами отражение очень древнего взгляда на связь человека и зверя (6, 175).

Картины природы в «Слове...» почти реалистичны. Автор был очень точным в изображении повадок животных. Ссылаясь на известного зоолога Н.В.Шарлеманя, Б.А.Ларин развенчивает легенду о поэтичности «Слова...» Описывая побег Игоря из плена, автор пишет: *Стрежаще его гоголемъ на водѣ.* Гоголь – это название дикой утки, которая отличается боязливостью и чуткостью по отношению к человеку. По поведению уток Игорь узнавал о приближении погони и прятался в кустах или воде.

Выражение *дятлове тектомъ путь к рѣцѣ кажутъ* объясняется тем, что дятлы жили в оврагах, где сохранились остатки леса. Овраги не видны издали, и только человек с чутким слухом мог узнать по стуку дятла о приближении речки или оврага. Эти выражения – не поэтические образы, а точное знание природы (6, 173-174).

«Слово...» буквально дышит языческими образами. Как отмечает Е.В.Аничков, существует два взгляда на язычество: 1) боги – демоны; 2) они – наши родоначальники, обычные люди (14, 122). Автор «Слова...» придерживается последней точки зрения, поэтому в нем так много воспоминаний о князьях, что составляют родословную от дедов-прадедов. Язычество как мировоззренческая система чётко прослеживается в светской литературе X-XIII веков: несмотря на то что уже в X веке Русь приняла христианство, Киевская Русь ещё долго сохраняла прадедовскую веру, ещё долго оставалась языческой.

1. Мечковская Н.Б. Язык и религия: Лекции по филологии и истории религий. – М., 1998.
2. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. – СПб., 2000.
3. «Слово о полку Игореве». – М., 1970.
4. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. – М., 2002.
5. Лихачев Д.С. Избранное: «Слово о полку Игореве» и культура его времени; Работы последних лет. – СПб., 1998.
6. Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (X – серед. XVIII в.). – М., 1975.
7. Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI-XIX вв.). – М., 1994.
8. «Слово о полку Игореве». Фотокопия видання 1800 р. – К., 1952; «Слово о плъку Игореве» в українських художніх перекладах і переспівах XIX-XX століття. – К., 1953.
9. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. – М., 1987.
10. Українська та зарубіжна культура: Навчальний посібник /За ред. М.М.Заковича. – К., 2000.
11. Оголевец В.С. «Слово о полку Игореве». Руководство для учащихся и для самообразования (текст, перевод, примечания, историко-литературные выводы, словарь). – Полтава, 1910.
12. Виноградова В.Л. О некоторых словах и выражениях в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и его время. – М., 1985.
13. Буслаев Ф.И. Языческий взгляд на картину физическую. Языческая символика, мифология, поэзия, игры // Буслаев Ф.И. Преподавание отечественного языка. – М., 1982.
14. Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь. – СПб., 1914.